

Ободовский И.И.

Подо льдами  
КОМЕТЫ

16+

# Иван Игоревич Ободовский

## Подо льдами кометы

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=64130992](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64130992)*

*SelfPub; 2021*

### Аннотация

Планетоход с тремя космонавтами проваливается под поверхность кометы Галлея, где они выполняли научную миссию. В попытках вылечить раненого товарища и выбраться на поверхность, командир экспедиции и пилот планетохода находят в подлёдной пещере таинственное послание. Команда успешно возвращается на корабль, но командир твёрдо знает, что обязательно отправится на комету со следующей экспедицией и разгадает её тайны.

# Иван Ободовский

## Подо льдами кометы

– База «Селена», «Селена», это «Галлей-2», приём, приём!!! – динамик разрывался от истошного крика с той стороны радиоэфира.

– «Галлей-2», что стряслось, говорите, – ровным голосом ответил дежурный связист станции «Селена», находившейся на лунно-синхронной орбите.

– «Селена», это Фьюме, повторяю, у нас чрезвычайное происшествие – потеряна связь с планетоходом!...

\*\*\*

Станция «Селена» служила перевалочным пунктом для путешествий между Землёй и Луной, а также первым в своём роде космическим доком. Именно на «верфях» «Селены» человечество построило и отправило в экспедицию к легендарной комете Галлея вот уже второй по счёту корабль. Логично, что и центр управления полётами для миссий к комете располагался в одном из многочисленных модулей станции, дополняя существующие на Земле аналогичные центры.

Как это обычно бывает, у экспедиции «Галлей-1» была лишь одна задача – максимальное сближение с кометой, по-

добно тому, как много лет назад «Аполлон-10» пролетел на высоте четырнадцати километров над поверхностью Луны, репетируя высадку «Аполлона-11».

Первый корабль программы "Галлей" имел минимально необходимое количество научного оборудования, да и вообще вся миссия готовилась в спешке: момент изобретения людьми термоядерных космических двигателей совпал с очередным приближением к Земле кометы Галлея. Такое событие происходит раз в семьдесят шесть лет, так что неудивительно, что многим странам не терпелось сразиться за первенство высадки космонавтов на поверхность кометы. В итоге оказалось, что одна страна ну никак самостоятельно не потянет такую экспедицию – и первый полёт к комете выполнили опытейшие космонавты из четырёх стран.

При сближении с кометой были получены данные, необходимые для успешной высадки членов второй экспедиции. Так, с борта «Галлея-1» на поверхность кометы отправляли небольшой посадочный модуль, внутри которого к комете так же отправился робот-планетоход с забавным названием «Бабочка». Трудно сказать, почему его так называли – то ли из-за двух солнечных батарей, торчащих из его «спины» подобно крыльям мотылька, то ли из-за того, что он весил всего лишь пять килограммов, дабы не продавить поверхность кометы. Но в итоге он благополучно проездил четыре километра по льдам, собрав данные о строении кометы, на основании которых начали подготовку к следующей миссии.

\*\*\*

«Галлей-2» собирали на орбите Луны уже тогда, когда стартовал «Галлей-1». Время непрестанно играло против людей. Комета сближается с Землёй лишь на несколько месяцев, а затем никто к ней не долетит – человечество по-прежнему делало первые шаги во Вселенную.

Экипаж миссии состоял из четырёх космонавтов – командира миссии, пилота корабля, пилота планетохода и научного специалиста. Такого состава вряд ли хватило бы для выполнения серьёзных научных работ, но с учётом кратчайших сроков и сложности задания такая численность экипажа являлась оптимальной. Пилот корабля «Галлей» не должен был покидать борт, а трое его коллег должны были высадиться на поверхность кометы. Пилот ровера также не должен был покидать его, пока командир и учёный гуляли бы по неизведанным землям малого небесного тела.

«Галлей-2» успешно стартовал шестого августа две тысячи шестьдесят первого года, в столетнюю годовщину полёта Германа Титова на корабле «Восток-2». Командир экспедиции, сорокатрёхлетний светловолосый, широкоплечий сибиряк Андрей Луговой, был самым старшим и опытным из четырёх путешественников, пионером строительства лунных баз, а также участником строительства станции «Селена». Его карьера была сюрпризом для родителей – представителей класса интеллигенции, – но довольно типичной, как

и для многих покорителей звёзд: военное истребительное училище, служба в авиации Северного флота, школа лётчиков-испытателей, зачисление в отряд космонавтов, первые полёты на орбиту Земли, постоянное назначение на транспортный челнок. Но по-настоящему его талант командира раскрылся во время освоения Луны. В постройке лунных баз и заводов по добыче гелия-три участвовала целая плеяда стран и предприятий, и лишь строгое руководство Лугового, назначенного командиром лунной экспедиции, превращало производственный хаос в высшей степени организованный инопланетный муравейник. Андрей рос в суровых условиях Сибири, с трёх лет занимался спортом, что закалило его характер и выдержку. Ходили легенды о его железных руках, которые не давали ни одному самолёту или космическому кораблю не подчиниться его воле. Но главное – даже в экстремальных ситуациях Луговой, с детства живший среди тайги, всегда был спокоен и рассудителен. Во время его первого полёта в космос его пульс был равен всего лишь семидесяти восьми ударам в минуту – чуть больше, чем у легендарного космонавта Игоря Волка во время его первого полёта на орбиту в далеких семидесятих годах двадцатого века. Для сравнения, у коллег Андрея, выполнявших первые полеты в безвоздушное пространство, сердце бешено билось, несмотря на почти более чем столетний прогресс программы подготовки космонавтов. Луговой также распорядился, чтобы борт «Галлея-2» украсило изображение орла – позывного

и талисмана Германа Степановича Титова. Луговому нравилась эта могучая хищная птица, и уже будучи лётчиком-испытателем он, такой строгий и правильный командир, позволил себе небольшую вольность: заказать художнику нарисовать орла на своём истребительном шлеме, который ныне украшал комод в его квартире.

Пилотом корабля был назначен Кармене Фьюме – участник первой миссии «Галлей-1». Кармене служил рядовым пилотом транспортного челнока на линии Земля-Луна, но когда стал вопрос о выборе пилотов для программы «Галлей», его кандидатуру почти единогласно одобрило руководство миссии: дело было в том, что Фьюме с детства увлекался астрономией и сам был ходячей звездной картой. Он обожал приглашать друзей и знакомых в семейное поместье в Тоскане на вечера астрономии в собственноручно построенной обсерватории и всегда угощал вином собственного производства. А когда он стал кандидатом в астронавты, его знания звёзд нашли практическое применение: ему не было равных в навыках астронавигации. Учитывая немиссия, посчитали, что навигационные навыки Кармене будут незаменимы при внештатной ситуации в первых полётах к комете.

Научным специалистом экспедиции был выбран, конечно же, учёный-геолог. Точнее, Хуго Хаусфельд одним из первых землян вот уже восемь лет носил почётное звание планетолога, пожалованное ему Международным сове-

том геологов. Ещё бы он не заслуживал такой почести, ведь помимо многочисленных успешных работ на Земле, Хаусфельд обследовал более сотни кратеров, пещер и каньонов на Луне, найдя огромные залежи воды, гелия-три, металлов, минералов и прочих полезных ископаемых.

А пилотом планетохода был назначен Эндрю Брэдли – человек с уникальным опытом. До девятнадцати лет он сделал блестящую карьеру автогонщика. Этот спорт в середине двадцать первого века относился уже к разряду архаичных. Порой организаторам гонок требовалось приложить немало усилий, чтобы достать никому не нужные в эпоху электрокаров горюче-смазочные материалы вроде бензина или солидола. Брэдли, начинавший с картингов в возрасте пяти лет, успел стать многократным чемпионом по гонкам, вкушать нектар славы, денег, вечеринок и красивых женщин. Парень был настоящим баловнем судьбы. Но она же вмиг вынудила Эндрю оставить звездную карьеру и потратить всё состояние на лечение матери от рака. Брэдли позаботился обо всём, чтобы последние годы жизни матери прошли в спокойствии на тропическом острове. Когда ему был двадцать один год, мама спокойно уснула вечным сном – и Брэдли решил пойти в армию, чтобы забыться. Его великолепная координация, хладнокровие и умение сохранять спокойствие в экстремальных ситуациях просто обязали военных определить его в пилоты. Его путь в целом повторял таковой у Лугового и многих других космонавтов: служба пилотом истребителя



на Среднем Западе Америки, затем участие в испытательных полётах, обучение полётам на шаттле и, наконец, работа на Луне. Но именно из-за его автогоночного прошлого его чуть ли не принудительно зачислили в экипаж второго «Галлея».

Всё дело было в том, что конструкторы нашли для миссии «Галлей-2», предполагавшей высадку человека на поверхность кометы, необычное решение: вместо отдельного посадочного модуля инженеры изобрели оригинальный планетоход с собственной двигательной системой. Для посадки и взлёта с кометы, имевшей гораздо меньшую гравитацию, нежели Луна и тем более Земля, их тяги было более чем достаточно. Внешне он был похож на обыкновенный шестнадцатиколесный военный бронетранспортер, только облепленный со всех сторон небольшими маневровыми двигателями и кучей разнообразных антенн. В задней части была смонтирована рампа, подобная используемой в конструкции грузовых самолётов, а по бокам от неё были установлены два мощных маршевых двигателя. В передней же части ровера были ещё и тормозные двигатели. Лучше Брэдли никто бы не справился с вождением по комете. Луговому же предстояла задача ассистировать ему с посадкой ровера на поверхность.

\*\*\*

И вот этот самый планетоход сразу после касания поверхности кометы... провалился под лёд, о чём тут же поспешил доложить в центр управления полётами Фьюме, оставший-

ся присматривать за кораблём, застывшим рядом с кометой, пока Брэдли, Луговой и Хаусфельд лежали без сознания где-то в глубинах под ледяной поверхностью...

– Эндрю! Где мы?! – очнувшись, первым делом спросил Брэдли своего коллегу.

– Хороший вопрос, тёзка, – вяло ответил Луговой. – И почему тут так темно? А где же наш Хуго? – Луговой попытался выбраться из правого кресла ровера, но что-то придавило ему ноги.

Брэдли же смог сразу встать из своего левого кресла. Как пилот ровера, он не отстегнул ремни даже после мнимой успешной посадки, что позволило ему не покалечиться. Он включил фонари на скафандре и обнаружил, что ногу Андрея придавил чемодан с геологическим оборудованием. Брэдли попытался поднять его, но не смог. От второй попытки Луговой его отговорил:

– Эндрю, я в порядке. Скафандр не поврежден. Но я не вижу Хуго. Иди, посмотри, где он там.

– Ладно, тёзка, держись. Попробуй вызвать Кармене. Может, он нас услышит... – с тревогой в голосе ответил Эндрю и направился в заднюю часть кабины планетохода.

Там он и нашел лежащего на полу Хаусфельда. Ему досталось больше всех: его рука была насквозь пробита штативом для радиооборудования. Вторая рука держала штатив, будто мешая ему продвигаться.

«Наверное, он понял, что из скафандра уходит воздух, и затыкал пробойну рукой, но всё же потерял сознание», – рассуждал Брэдли. Впрочем, биодатчики скафандра, показания которых Эндрю проверил с помощью медицинского планшета, сообщали, что покамест дальнейшей угрозы жизни Хуго нет.

Он вернулся к Луговому, который уже успел самостоятельно сдвинуть чемодан с ноги и поспешить на помощь коллегам.

– Эндрю, когда ты успел? – недоумевал Брэдли.

– Да вот взял и успел, тёзка, – шутливо ответил Луговой. – Я вот только одного не понимаю: какого дьявола этот чемодан такой тяжелый? Мы же на комете, верно?

– Ну да.

– И всё тут должно весить гораздо меньше?

– Конечно, коллега. Разве это не так?

– Не так, тёзка, не так. Странно это всё... Лучше скажи, что с Хуго?

– Неважно, Эндрю. Надо вернуться на «Галлей» и как можно скорее. Взгляни сам...

– Ёшкин кот! – выругался на русском Луговой, увидев ранение Хуго.

– Что ты говоришь? – переспросил Брэдли.

– Говорю, что нам срочно нужно на «Галлей», – уже на английском ответил Луговой. – Я попробую чем-нибудь заделать пробойну вокруг штатива и подать больше давления

в скафандр Хуго. Я не уверен, что кабина герметична.

– Может, сначала вколем ему обезболивающее? Он мог потерять сознание и от боли.

– Дельный совет, тёзка. А что с ровером, ты сделаешь диагностику?

– Да, сейчас займусь. Но, думаю, будет неплохо нам вдвоём выйти и осмотреться.

– Как только помогу Хуго, прогуляемся, – ответил Луговой.

Спустя сорок минут он пришел в себя, первым делом произнес несколько отборных немецких ругательств, чем рассмешил двух коллег. На вопрос о своём самочувствии он лишь сухо ответил:

– Могу р-работать и лежа на полу, лишь бы были кислород и планшет.

– Поработаешь ещё, Хаусфельд, поработаешь, – успокоил его Брэдли. – А мы с Эндрю пока посмотрим, что там творится снаружи, ладно?

– Д-д-держите с-связь, хорошо? – Хуго бил озноб. – И дай сюда планшет, п-подключ-ченный к радио, я буду вызывать Кармене на Г-галлее...

– Хорошо, хорошо, приятель, только не шевелись без необходимости. Хуго, у нас всё получится, мы тебя заштопаем и вернёмся домой, а потом ты возьмешь семью и полетишь на Мальдивы, хорошо? – подбадривал его Луговой.

– Да, к-конечно, Анд-дрей, – ответил Хуго, впервые улыб-

нувшись с момента посадки. Мысль о семье грела его душу, и он был благодарен Андрею Луговому, который, как бывалый командир двух длительных лунных экспедиций, считал своим долгом держать моральный настрой команды на высоте. Его американский тёзка тем временем подготовился к вылазке из ровера, прихватив мощные фонари, фотоаппарат, «космические» трекинговые палки из титана и прочие необходимые вещи.

Коллеги выполнили осмотр скафандров друг друга и зашли в шлюз.

– Что нас там ждёт, коллега? – риторически поинтересовался Брэдли.

– Вот и посмотрим, коллега! – с улыбкой ответил Луговой. – Ну что, идём?

– Па-йие-кха-лы! – попытался по-русски ответить Брэдли, разумеется, вспомнив о легендарной фразе Гагарина.

Раздался гул насоса, откачивающего воздух из шлюза. Его сменило тихое жужжание электромотора, открывающего рампу планетохода-челнока. Металл ramпы почти бесшумно коснулся льда кометы.

Путь был открыт.

– Кто первый, Эндрю? – поинтересовался Брэдли.

– Мы тут всё-таки от имени всего человечества, тёзка. Давай одновременно.

– Давай, Эндрю! Сделаем это ради всего человечества!

Два сапога ступили на поверхность. Первое, что броси-

лось в глаза, – идеально ровный пол посередине пещеры. Он совершенно не контрастировал с причудливыми факталами ледяных глубин кометы, выглядя так, будто его выровнял гигантский нагретый меч. Пещера была размером со школьный спортивный зал, если не больше. Свет мощнейших светодиодных ручных фонарей терялся между блестящими ледяными наростами, не позволяя определить размер галереи. Огромные сталактиты свисали с потолка пещеры, кое-где были сталагматы, а вот сталагмитов не было вовсе, что обрадовало Лугового. На Земле, во время тренировок в зале, имитирующем острую ледяную поверхность кометы, даже он с трудом справлялся с передвижением между острым рельефом небесного тела, а его коллеги несколько раз падали, чудом не получив пробоин в скафандрах.

Обернувшись, космонавты начали осмотр места падения планетохода. Он скатился по довольно крутому ледяному склону, начинавшемуся где-то в вышине, задней частью вперёд, упершись самой задней из восьми пар колёс в ледяной выступ у подножия. Удивительным было наличие по бокам склона будто специально замороженных ледяных стенок, которые, очевидно, и помешали роверу упасть где-нибудь посередине горки. Над склоном зияла пробоина, которую так ошибочно считали твёрдой, пригодной к посадке поверхностью...

– И как он уцелел?.. – недоумевающе спросил Луговой.

– О, это всё заслуга наших автоинженеров и ракетчиков! –

с гордостью ответил Брэдли. – Я видел, как они испытывали планетоход на прочность в Пасадене. Сбрасывали его кра- ном со ста футов на моих глазах, да! Ну а потом, очевидно, дорабатывали конструкцию.

– Да уж, такие испытания оказались очень кстати. Внешне он цел, – констатировал Луговой, обойдя ровер и осмотрев его. – А что показала диагностика систем?

– Все окей, Эндрю. А связь не работает из-за толщи льда над нами. Вот если бы «Галлей» находился прямо над той дырой... – мечтательно ответил Брэдли, показывая на нее пальцем.

– Это мы сейчас организуем! – решительно ответил Луго- вой и полез за чем-то в ящик с оборудованием.

Этим чем-то оказалась обыкновенная ракетница.

– Серьёзно? – с насмешкой спросил Брэдли.

– Есть идеи получше? «Галлей» застыл в космосе так, что- бы с него было видно место посадки. Может, Кармене и уви- дит искры.

– Не факт, но ты прав, тёзка: всегда стоит попробовать.

После пары выстрелов зелёными и красными ракетами космонавты продолжили осмотр зала. Луговой пошёл напра- во, Брэдли – налево. Тут на связь вышел Хаусфельд:

– Эй, д-друзья, есть для вас кое-что странное.

– Хуго, а ты весь в трудах, я смотрю, – ответил Брэдли. – Выкладывай, что там.

– Да то там, ч-что я вроде у-уже н-нормально себя чув-

ствую, а подумал, что к-крыша поехала. Но приборы не врут – ускорение своб-бодного падения в 3-зоне аварии... – его по-прежнему не отпускал озноб, – р-равняется д-дев-вяти целым и... и ч-четырёх десяткам.

– Что-о-о-о-о?! – в один голос удивлённо воскликнули Эн-дрию и Андрей.

– П-приборы не врут, друзья, – ответил Хуго. Гравитация тут почти как дома.

– Ну вообще... – начал говорить Луговой, – Эндрю, ведь даже по ощущениям тут почти как на Земле. Чувствуется, что скафандр тяжелее, чем на Луне. Я думал, это потому что мы измотаны.

– Я тоже это заметил, коллега. Странно очень всё это, странно... Мои биодатчики, кстати, показывают, что мой организм работает почти так же, как на Земле. А что говорят твои биодатчики, коллега? Эндрю? Приём?

Эфир отозвался тишиной. Луговой не отвечал. Брэдли, осматривающий ледяные сталактиты, резко обернулся, чтобы найти товарища. Он увидел свет фонарей скафандра за несколькими огромными, толщиной со столетний дуб, сталагматами и поспешил туда.

«Действительно, и при ходьбе ощущения, будто я в Хью-стоне, в центре подготовки», – отметил Брэдли. Он нашёл Лугового стоящим лицом к ледяной стене и хотел было уже спросить, в чём же дело, но то, что осветили уже и его фонари, заставило его самого застыть в недоумении.



Вся стена была исписана какими-то значками, похожими на группы черточек. Тысячи их были в виде отдельных символов, состоящих из двух, трёх, четырех черточек, образующих аккуратные квадраты размером десять на десять символов, несущих информацию смотрящему на них. Они сопровождались изображениями, до ужаса похожими на чертежи. Причём наверное даже школьник, интересующийся космонавтикой с лёгкостью смог бы увидеть в этих чертежах устройство космической станции с её галереями жилых и научных отсеков. Да и с близкого расстояния Брэдли также обнаружил, что стенка вовсе не ледяная, а металлическая. Прозрачный лёд лишь покрывал серебристый блестящий металл.

– Что за чертовщина? – тихим голосом спросил Брэдли. – Ты же это тоже видишь, коллега, да?

– Ага-а... – только и смог ответить ошарашенный Луговой. – И знаешь, что ещё более странно, тёзка?

– Что же?

– Я, кажется, могу это прочесть... – неуверенно, чуть ли не под нос ответил Луговой.

– Прочесть? Каким образом? Это же... Язык инопланетян!

– Может, и так. Но эти значки очень похожи на клинопись. Мой отец...

– Ты говорил, он был академиком.

– Да, академиком, – Луговой подошёл поближе к участку стены, – специалистом по древнему Двуречью – Ассирии,

Вавилону, Шумерам. И я видел в детстве, как он переводил эти тексты. Вот тут, кажется, написано, – Андрей принялся читать символы, водя вдоль них указательным пальцем, – «Путь», э-э-э... «Смотреть», э-э-э... «Стена»... «Земля»... «Вн-Вниз»...

– Реб-бята, ч-что вы там н-нашли? – раздалось в наушниках Лугового и Брэдли.

– Хуго! – хором воскликнули они. – Как мы могли про него забыть!

– Вот что, Эндрю, – предложил Брэдли, – давай всё-таки попробовать выехать на планетоходе на поверхность. Тут такой крутой подъем... Надо использовать маршевые двигатели. Хуго станет только хуже со временем.

– Со включёнными движками будем выезжать? – с ехидной улыбкой спросил Луговой. – Узнаю того сумасшедшего Брэдли, распугавшего пролетом на сверхзвуковой скорости народ на авиашоу в две тысячи пятьдесят девятом!

– Да и Вы, коллега, много интересных вещей на гиперзвуке вытворяли на испытаниях нового шаттла! Ладно, хватит пустых разговоров, идём к роверу! Ты же тоже сфотографировал стену?

– Да-а, конечно, пошли, тёзка...

Луговому было до жути любопытно, какие же секреты таят в себе загадочные рисунки, – в нём просыпалась кровь специалиста по древностям, унаследованная от отца. Тем более что справа от стенки он разглядел проход, ведущий ку-

да-то в глубь кометы. Но долг командира обязывал его позаботиться о своих подопечных, один из которых истекал кровью. Скрепя сердце он развернулся и последовал за Брэдли к планетоходу.

\*\*\*

По пути к роверу в наушниках начал раздаваться треск помех. Сначала космонавты не придали этому особого значения, но уже через пару минут в эфир начали пробиваться словоподобные звуки:

– Пл... то...д... Отв... Галл...

– Ты это слышал, Брэдли?

– Да, неужели это?..

И в следующий момент над пробойной во льду вспыхнул луч света. Космонавты подбежали к роверу и увидели «Галлей-2», зависший метрах в пятидесяти над дырой.

– Планет... ответ... «Галлею»! – раздался в эфире встревоженный голос Фьюме.

– Кармене! – радостно закричали Луговой и Брэдли. – Ты нас нашёл!

– Си, сеньоре! – не менее радостно ответил Фьюме. – Я увидел сноп искр и подумал, что вы в кратере. Ну, я почти угадал! Как вы там?

– Мы с Луговым целы, а вот Хаусфельд ранен. Ровер не повреждён, планируем выезжать по ледяному склону.

– С включёнными двигателями, да? – в свою очередь по-

интересовался Фьюме.

– Ну конечно, коллега! – ответил Брэдли. – А ещё наш Эндрю, кажется, нашёл инопланетную цивилизацию.

– Что? Что он сказал, Андрей? Там, между прочим, Хуго плохо, а Брэдли, как всегда, шутит о ненужном! Давайте выбираться оттуда, живо, живо! – В жилах Фьюме просыпалась горячая тосканская кровь.

– Ты, Кармене, прав, мы уже готовимся к выезду. Но мой тёзка тоже прав: мы тут нашли... Нечто! Нечто действительно не из нашего мира!

Я понял, Брэдли, что там написано: «Путник, смотрящий на эту плиту, пройди по карте в тоннели судна». Это приглашение, Эндрю. Кто-то оставил его много лет назад. И получается, что комета была обитаема кем-то, – Луговой сам с трудом верил своим выводам, но факты были налицо.

Спустя двадцать минут, когда Хуго получил очередную дозу обезболивающего и всё оборудование было должным образом зафиксировано, Брэдли и Луговой заняли свои кресла.

– Ну что, пора бы уже и домой, тёзка? – спросил Брэдли. – Кармене, захваты готовы?

– Конечно! Поймаю вас, как тунца в море!

– Нам нужно будет вернуться сюда, Брэдли, – тихим голосом произнёс Луговой. – Вот только вылечим Хуго – и обязательно слетаем сюда вновь. Мне что-то подсказывает, что мы должны исследовать эти тоннели.

– Мы вернемся, коллега! Обязательно вернёмся! Держись, комитет по финансированию космических программ! «Галлеев» теперь точно будет не три и не четыре, а все десять, наверное! – с предвкушением рассуждал Брэдли. – А нам пора домой! Готов, Эндрю?

– Да. Заводи, едем наверх...